

Сѣрая, однообразная природа Монгольскаго Алтая кладетъ извѣстный отпечатокъ и на своихъ обитателей—монголовъ, раскидывающихъ свои походныя жилища то въ области горъ, то выносящихъ ихъ въ прилежащія открытыя долины, въ зависимости отъ времени года. На одномъ мѣстѣ монголы не засиживаются, ихъ не можетъ удержать несложный скарбъ, который кочевники перевозятъ и просто, и легко. Подлѣ небольшихъ группъ юртъ пасутся стада, охраняемыя по большей части конными пастухами и собаками.

Къ вечеру стада возвращаются къ стойбищу, располагаясь вокругъ юртъ. Монгольскій скотъ содержится подъ открытымъ небомъ и на свободѣ, за исключеніемъ барановъ и козъ, для которыхъ иногда складываются каменные или навозныя ограды, и только ягнятъ и козлятъ монголы воспитываютъ въ юртахъ, привязывая ихъ къ стѣнкамъ жилищъ. Монгольскія женщины почти все время проводятъ за хозяйствомъ, то по уходу за скотомъ, то въ приготовленіи молочныхъ продуктовъ, а въ свободныя минуты сидятъ за шитьемъ одежды.

Глава же семьи или сидитъ сложа руки дома или навѣщаетъ праздныхъ сосѣдей, часто не разставаясь съ лошадыю по цѣлымъ днямъ. Подлѣ монгольскихъ юртъ всегда стоятъ наготовѣ осѣдланныя лошади для того, чтобы хозяинъ могъ, какъ только пожелаетъ, скакать куда угодно. Присутствіе около юртъ чужихъ лошадей — вѣрный признакъ, что въ юртѣ гости, а это для монгола поводъ лишній разъ завернуть къ сосѣду. Какая компанія собралась тутъ видно по лошадямъ: монголы отлично распознаютъ не только своихъ животныхъ, но и животныхъ сосѣдей; монголъ съ успѣхомъ разыщетъ своего барана, заблудившагося въ большомъ стадѣ другого владѣльца.

Пѣшая ходьба во всеобщемъ презрѣніи, поэтому, какъ бы мало ни-было разстояніе до сосѣдняго стойбища, монголъ все-таки сядетъ на лошадь и проскачетъ его. И гдѣ бы, и куда бы не ѣхалъ монголъ, всегда онъ скачетъ съ такою быстротою и смѣлостью, что съ перваго взгляда можетъ казаться, что этотъ кочевникъ цѣнитъ время и не въ такой мѣрѣ предается праздности, какъ привыкли думать европейцы; въ дѣйствительности же монголъ можетъ проводить дома по нѣсколькимъ дней подъ-рядъ и сидитъ или лежитъ, переваливаясь съ боку на бокъ, объѣдаясь жирной бараниной; разъ же онъ сѣлъ на коня, хотя бы только послѣ того какъ бездѣйствіе окончательно надоѣло, то уже катитъ во весь махъ среди необозримой равнины. Но лишь гдѣ-либо на краю горизонта показался верблюжій караванъ, монголъ тотчасъ же останавливаетъ лошадь, устремляетъ свой острый взглядъ въ